

А.В. Винник (Тверь)

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМИОТИЧЕСКИХ РИТУАЛОВ В
ТОТАЛИТАРНЫХ ОБЩЕСТВАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Оформление в первой половине XX века в части Европы тоталитарных режимов поставило перед ними вопрос отношения с традиционными для их стран религиозными системами.

Наиболее полное выражение отказ от прошлого получил в попытках формирования новых ритуальных форм, которые должны были заменить традиционные христианские обряды, плохо согласующиеся с революционной риторикой.

Приход к власти большевиков в России поставил их перед необходимостью формирования ритуальных систем, как соответствующих новым идеологическим установкам, так и понятных обывателям. Ритуальные системы тоталитарных режимов, таким образом, были вынуждены опираться на традиционные схемы.

Советская система, просуществовавшая более семи десятилетий продемонстрировала новые ритуалы, с опорой на традицию, в полном объеме. Уже в первые послереволюционные годы советские праздники осуществляли заметную переключку с праздниками христианскими. Характерен пассаж из советской газеты: «Рабочий класс переживает еще свою страстную, время тяжелой борьбы, напряженной работы. Этим трудом он завоеует свою пасху, когда из обломков войны и мук революции воскреснет новое коммунистическое человечество. Да здравствует грядущая пролетарская пасха! Да здравствует ее творец – Коммунистический труд!»¹. Рабочей пасхой в 1920-е гг. именовали Первомай – не в последнюю очередь из-за близости во времени. Первомайские демонстрации в каждом населенном пункте с прохождением около коммунистических сакральных мест стали непременным атрибутом советской идеологии. Само их организация имеет очевидные параллели с крестным ходом. В тот же период формируются гражданские ритуалы, явно пародирующие христианские, в частности «октябрины», заменившие крещение. Акт «октябрин» предполагал совершение ритуала над младенцем в присутствии его родителей, а также «приемных отца и матери», которые таким образом заменяли крестных родителей. Младенец получал имя (как правило, в честь какого-либо революционного деятеля), а также ритуальные подарки, в частности «Красную звезду»². В последующие годы такие ритуалы продолжения не получили, хотя известные рецидивы просуществовали вплоть до конца советской власти – прием детей в октябрята, пионеры перед непременным портретом (или бюстом) Ленина, а лучше – в месте связанном с его жизнью и деятельностью.

Фигура В.И.Ленина получила соответствующую сакрализацию, и в народном сознании явно была призвана заменить Христа. Все места, где бывал Ленин, отмечались мемориальными досками и заносились в длинный перечень «ленинских мест». Количество памятников Ленину могло соперничать с числом храмов в дореволюционной России – их функции тоже были сакральными. О Ленине сочинялись литературные пассажи, призванные продемонстрировать идеальный образ не только политика, но и просто человека. Образ дополняли представления о том что, тяжелая болезнь Ленина стала результатом его самоотверженной деятельности, и ранняя смерть, таким образом – жертва ради человечества. Наконец «погребение» Ленина в Мавзолее – отражение представлений о воплощении святости посредством нетленных мощей. В последующем сформировался и своеобразный пантеон «апостолов» и «святых», даже с собственным «Иудой» – Л.Д.Троцким.

В нацистской Германии расовая доктрина не вязалась с христианскими ценностями и в первые годы после прихода А.Гитлера к власти, потребовалась адаптация старых ритуалов к новой идеологии. Гитлер рассматривал христианство как «негерманскую» идеологию, считая, что христианская идея равенства «защищает расово неполноценных, больных, слабых и убогих», а любовь к ближнему есть «глупость, парализующая человека»³. Отсюда стремление нацистских идеологов сформировать новую «германскую» религию, ориентированную на синтез христианской традиции и политических установок. В 1934 г. профессор богословия Э.Бергман опубликовал тезисы новой религии, названной «германским христианством». В основе его учения – утверждения о Христе как арийском мученике и Гитлере как его преемнике, посланным на землю в целях избавления от евреев⁴.

Характерно, что данные идеи дальнейшей серьезной разработки не получили и в Германии начала формироваться определенная форма гражданской религии, ориентированная на культ фюрера и нацистское мифотворчество. При этом весьма определенно прослеживается учет опыта СССР.

Формирование образа вождя требовало наделение носителя верховной власти всеми мыслимыми добродетелями. Если в СССР образ вождя в 1930-е гг. покрывался определенным ореолом загадочности, то культ фюрера был более открытым. Гитлер преподносился как волевая, лишенная человеческих слабостей личность, свободная от любви и дружбы – всецело посвятившая себе служению народу. Празднование дня рождения Гитлера (20 апреля) приобрело характер общенационального торжества, которое по стечению обстоятельств было приближено по времени к Пасхе (переключка с Первомаем в СССР, выполнявшим те же функции). Христианские сюжеты присутствуют и в изобразительном

искусстве – например картина О.Хойера, изображавшая выступление Гитлера в период начала его деятельности названа «Вначале было слово».

Особое место в ритуальной системе Третьего рейха отводилось Олимпийским играм 1936 года в Берлине. Право проведения Олимпиады столица Германии получила еще до прихода Гитлера к власти, но нацисты увидели в них прекрасную возможность демонстрации физического превосходства арийцев и от проведения Игр не отказались. Кроме того, Олимпиады имели античные корни, и берлинские игры стали местом апробации неязыческих ритуалов в международном масштабе. Любопытно, что ряд олимпийских ритуалов, применяемых и в наши дни, был разработан именно к Играм 1936 года при прямом участии нацистских организаторов – в частности – эстафета олимпийского огня. С другой стороны – от некоторых существовавших ранее олимпийских ритуалов пришлось отказаться. Так берлинские Игры стали последними, когда спортсмены на параде отдавали приветствие «олимпийским» салютом. Из-за его идентичности широко известному нацистскому приветствию в дальнейшем от использования «олимпийского» салюта пришлось отказаться.

Таким образом, нацистская идеология, по сравнению с коммунистической, за более короткий срок сформировала более вариативную систему ритуалов, ориентированную как на христианские, так и на античные образцы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коммунистический субботник. 1920. 10 апр.
2. Окунев Н.П. Дневник москвича (1917-1924). Париж, 1990. С.595.
3. Энциклопедия Третьего рейха / Сост. С.Воропаев. М., 1996. С.404.
4. Там же. С.405.

С. Н. Еланская (Тверь)

СМЫСЛОВОЙ УНИВЕРСУМ КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЫ В СОВЕТСКОМ КИНО: СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУР ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КИНОТЕКСТЕ

В последние годы в гуманитарных науках возрос интерес к повседневности, стали появляться исследования по проблемам бытовой культуры, образа жизни в различные эпохи [1: 177]. По словам А. Шюца, «С самого начала повседневность предстаёт перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним»